

МЕРИЛИ

**ПУСТАЯ
СТРАНИЦА**

18+

Мери Ли

Пустая страница

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68533245

SelfPub; 2024

Аннотация

Единственный, кто знает меня настоящей, – мой дневник. Но даже ему я не могу поведать то, что совершила. Бегу от прошлого и от события, что так и не решилась записать. Цепь случайностей приводит меня в Скайвилль – городок, где все жители знают друг о друге всё. Мне нужно бежать, но что делать если сердце противится этому?

Мери Ли

Пустая страница

Глава первая

"Нужно верить в себя и свои силы, иначе мир внутри нас меркнет, становится пустым и далёким".

Дневник Кайлы.

Пятнадцать минут назад я вошла в старое кафе, обветшавшая вывеска обещала мне отдых и лучший кофе в округе. Отдохнуть не удалось, а кофе оказался паршивым, как и весь этот год.

Две минуты назад ко мне подсел вполне себе симпатичный мужчина. Он уже бросил пару незатейливых фраз по поводу моих изумительных волос и очаровательной улыбки. Волосы собраны в "и так сойдёт" пучок, а улыбалась последний раз я довольно давно.

Мужчина пытается бросить ещё одну удочку, но его наживки меня не интересуют.

– Ты даже не скажешь мне своего имени? – спрашивает он интимным полужёпотом.

– Нет, – отвечаю я, смотря в окно придорожного кафе.

Мужчина напротив меня даже не представляет, насколько мне сейчас некомфортно, а его присутствие неуместно.

Немного подумав, я добавляю:

– Возможно, имя – это единственное, что у меня осталось.

– Хм?

Мужчина не спешит уходить, а я внутренне напрягаюсь. Я не хочу общения или каких-либо отношений. Сейчас мне нужен покой и тишина. Одиночество – вот, что мне необходимо.

Ещё четыре года назад я бы как минимум начала с ним флиртовать. Я бы перекинула свои длинные черные волосы набок, опустила взгляд на кружку кофе, провела бы по краю чашки пальцем, подняла бы взгляд из-под черных ресниц, прострелила бы его взглядом и представилась. Возможно, я бы предложила ему угадать моё имя, или же написала номер телефона вон на той белой салфетке в углу стола. Я бы с ним поговорила и использовала бы при этом все свои женские хитрости.

Но это было раньше. Это было до НЕГО. Всё это имело место быть до встречи с тем, кто сломал меня, проехался танком и не потрудился прибраться за собой. ОН бы переехал ещё раз, но мои останки сбежали, не дав ему искалечить меня полностью.

Если вы думаете, что один человек не способен сломать другого, изменить его до неузнаваемости, то вы ошибаетесь. Может. И особо безжалостные делают это с удовольствием.

Главная печаль моей жизни и состоит в том, что я даже не знаю, кто я есть сейчас. К сожалению, всегда найдется тот, кто перевернет вашу жизнь вверх дном и подчинит сво-

ей воле. Так случилось со мной. Из веселой и самоуверенной девушки я превратилась в унылую затворницу, для которой разговор с незнакомцем это больше не легкое общение, а каторга с кандалами и надзирателем. Даже сейчас мне кажется, что ОН где-то рядом, стоит за углом и наблюдает, ОН видит, что я разговариваю с посторонним мужчиной. А это непозволительно. В какой-то момент нашей совместной жизни мне стало непозволительно всё. Грустно то, что я позволила этому случиться. Я настолько была поглощена новой жизнью и замечательным мужчиной, что даже не подумала о каких-либо границах. Я настолько погрязла в любимом человеке, что совсем забыла про себя. И теперь я бегу. Бегу от НЕГО и всего, что нас когда-то связывало. Жаль, от мыслей не сбежать, и мой измученный уставший мозг постоянно прокручивает в голове образ мужчины, что сломал и растоптал всё, что между нами было.

Поднимаюсь с места, стараюсь не смотреть на высокого блондина, который решил попытать удачу, вот только не к тому человеку он обратился за общением. Не то что я не могу с ним поговорить, мне даже в глаза ему жутко посмотреть. Я разучилась. Разучилась общаться и налаживать мосты между собой и социумом. Я словно заново родилась и мне нужно обучиться всему ещё раз. Вот только в этот раз я уже никому не позволю сделать из меня рабу чужих желаний и прихотей.

Оставляю хрустящую купюру на столе, закидываю сумку

на плечо и отправляюсь вон из придорожного кафе. Старый покрытый ржавчиной пикап дожидается меня на том же месте. С усилиями открываю пассажирскую дверцу и закидываю туда сумку. На асфальт тут же выкатываются две пустые банки из-под энергетиков. Глаза слипаются, но мне нужно ехать дальше. Как можно дальше от "дома". Куда я направляюсь? Это единственное, что я не продумала. Но и на это были причины.

Захлопываю дверцу, поднимаю пустые банки, выкидываю их в мусорный бак и быстрым шагом иду на место водителя. Сажусь и вижу, как приставучий блондин выходит из кафе. Может, я ему вовсе и не нужна, но я стала параноиком. Блондин находит меня взглядом, машет рукой и улыбается. Мне же не до улыбок. Отвожу от него взгляд, захопываю дверцу, завожу пикап и выруливаю с парковки.

Глубоко вздохнув, разминаю шею и продолжаю своё спонтанное путешествие, которое началось сутки назад. Я сбежала из дома. Как я на это решилась? Не представляю. Но чувствую себя героиней романа, у которой наконец-то открылись глаза, и она что-то решила изменить в своей жизни. В своей. Неправильная постановка. От моей жизни остались только угли, даже крохотного огонька нет. Я бегу от нашей жизни. От нашей общей и идеальной для всех жизни, вот только за фасадами любящей пары скрывается совершенно иное – то, что лучше не видеть и не слышать.

Выезжая на шоссе, я как вполне себе сложившийся па-

раноик запираю дверцы и постоянно бросаю напряженные взгляды в зеркало заднего вида. Я боюсь увидеть там черный внедорожник. Надеюсь, что ОН начнёт свои поиски с другого направления. Например, отправится к моей маме, сестре или братьям. Но никто не знает, где я и для чего совершаю путешествие. Ни одна живая душа, даже я сама до покупки пикапа не знала куда отправлюсь. Я настолько боялась разоблачения, что, засыпая, молилась о том, чтобы не начать говорить во сне и случайно не обмолвиться о плане побега.

Кому-то всё это покажется глупым и незначительным. Возможно, я бы сама так думала, но когда такая ситуация касается вас, то именно тогда вы понимаете насколько это страшно. Принадлежать не себе – это хуже смерти. Жить под гнётом любимого человека, это ужасно. Но страшнее всего то, что я не понимала этого. Для меня всё являлось нормой.

Вся моя жизнь – это череда случайных знакомств и ситуаций. Я мало что планирую и всё выходит спонтанно. Родилась я в большой семье на юго-западе США в Сан-Диего штат Калифорния. В одном из самых знаменитых городов-курортов, там всегда кипит жизнь, а людей достаточно много. Но несмотря на это, выходя на улицу, ты моментально попадаешь в медленный поток, он несёт тебя по делам и возвращает домой только ближе к вечеру. Мне всегда нравился родной город, но прожить там всю жизнь я никогда не хотела. В Сан-Диего нет суеты и спешки, там спокойно и кажется, что это идеальное место. Лучшее на планете. Но

раньше я хотела движения, мечтала исколесить весь мир и найти безумно быстрый и энергичный город, сейчас же мечтаю о тишине в глуши.

Прошло четыре года, а кажется, что вся жизнь. Мне больше не нужны шум и движение. Сейчас это последнее, чего я желаю.

Бросив очередной невротический взгляд в зеркало заднего вида, я устремляю взгляд вперед. Только вперед. Тишина в машине и монотонный звук трения шин по асфальту заставляют меня зевать и встряхивать головой, чтобы отпугнуть назойливый сон. Отгоняю мысли о неудавшемся женихе и прокручиваю в голове куда более приятные моменты моей жизни.

Папа и мама познакомились в колледже, как идеальная пара дошли до брака и родили четверых совершенно разных по характеру детей. Родители постоянно рассказывали нам истории из своей юности, как мои бабушка и дедушка не приняли папу в качестве жениха для их единственной дочери, но уже было поздно, мама носила под сердцем моего старшего брата – Адриана. Бабушке и дедушке ничего не оставалось, как согласиться на брак, но до конца они так и не оттаяли. Через пять месяцев после пышной свадьбы на свет появился Адриан. Он с самого детства был серьезным и собранным, мама говорит, что он идеальный ребенок. С ним не было проблем ни в юношестве, ни сейчас, когда он стал одним из самых знаменитых пожарных родного города. Адриан

так и не обзавелся семьёй, но череда его подружек поражает, если их выстроить в ряд, то эта линия обогнёт весь земной шар. Мой старший брат – это ответственность нашей семьи, он готов помочь и справиться с бедами абсолютно всем и вся.

Ещё через два года родился Деклан. Вот с ним родители хапнули горя. Этот сорванец постоянно ввязывался в драки и какие-то разборки. Он сменил три школы. И каждый раз его выгоняли за драки и неподобающее поведение. В возрасте шестнадцати лет его поймали копы с пакетиком наркотических веществ. Содержимого пакетика было мало, и он получил триста часов исправительных работ. А сразу же после этого родители отправили его в военное училище. Деклан не сопротивлялся, его будоражила мысль, что там рано или поздно ему в руки дадут оружие. В итоге так и случилось. Деклан – это бесстыдник с кривой улыбкой и вечно сверкающим взглядом.

Спустя три года после рождения Деклана, на свет появилась я – Кайла. До пяти лет я была достаточно болезненным ребенком, и, к сожалению, красавицей я не являлась вплоть до пятнадцати лет. В школьные годы я выслушала массу издевательских шуток по поводу своей внешности, хотя и не была прям страшенькой. Я была обычной, а в школьном мире это сродни уродству. В пятнадцать я изменилась так, что не могла отлипнуть от зеркала часами. Старшие братья только и успевали отпугивать ухажеров. Мне это льстило. Уже в шестнадцать я поняла, как красота и самоуверенность мо-

гут помочь мне в жизни. Я с легкостью крутила парнями и пользовалась женскими хитростями. Но не только от меня нужно было отпугивать парней, но и от моей младшей сестренки – Кэссидры. Кэсси – это самый нежный и трепетный цветок в нашей семье. И она безумно разбалована. У нас с ней максимально маленькая разница в возрасте – девять месяцев. Небольшая разница могла бы сделать из нас хороших подруг, но получилось иначе. Мы по жизни были соперницами. Соревновались во всём, начиная от длины волос и заканчивая, кого родители любят больше.

Моя большая и любимая семья, как я умудрилась вас потерять? Я оттолкнула всех и каждого. Удивительно то, что с Кэсси я созваниваюсь чаще всех остальных. Она сейчас учится в местном университете. Мечтает стать журналистом и вытягивать на белый свет всё грязное бельё высокомерных звёзд и зажавшихся политиков. И у неё это получится. Я уверена. С её-то упорством и хитростью, грех не пойти в журналистику.

Со временем мы все разъехались, в родительском доме осталась только Кэсси. Адриан снимает жильё рядом с пожарной частью, где работает, а Деклан мотается по стране с какими-то "секретными операциями". Не знаю правда это или нет, но он всегда отвечает на вопросы именно в таком ключе, с серьезным выражением лица, а в конце подмигивает и улыбается уголком губ.

Немного меньше четырех лет назад в нашей семье про-

изошло горе. Папы не стало. Несчастный случай на работе. Он работал на стройке, страховка не выдержала, и он упал с высоты пятнадцатого этажа. Мы все скорбели, скорбим и по сей день. Особенно тяжело пришлось Кэсси – моей младшей сестре и любимице папы по совместительству.

Прибавляю скорость и сглатываю ком в горле. Невосполнимая утрата папы стала ударом для всех. Хорошо, что у мамы есть Кассандра и Адриан. Они всегда рядом. Брат раз в неделю приезжает на ужин и, по словам Кэсси, это не даёт маме расклеиться, ей жизненно важно о ком-то заботиться, для кого-то готовить и накрывать стол. Спрашивать, как прошёл день и что нового на работе. Маме необходимо общение, в котором я неосознанно ей отказала. В этом невидимом споре с Кассандрой сестра одержала сокрушительную победу. Она куда лучшая дочь нежели я.

Стараюсь отгородиться от воспоминаний и замечаю, что скоро наступит ночь. Небо окрасилось в темные тона, а на горизонте алеет закат. Куда я еду? Что ждёт меня за очередным поворотом?

Мысли переносят меня в годы учебы. В семнадцать лет я уехала в колледж в самый маленький штат – Вайоминг. Почему туда? Все до банальности просто, в другие более крупные колледжи я не попала. Слишком низкий балл и раздолбайство не поспособствовали моему попаданию в знаменитые вузы страны. Меня приняли только в родном городе и в Центральный колледж штата Вайоминг в Ривертоне. И по-

ехала я туда лишь бы быть подальше от дома. Я хотела приключений и независимости от семьи. Поступив, я упорхнула как глупый птенчик из родительского гнезда. Учеба мне нравилась. Мне приносило удовольствие всё: обучение, вечеринки, новые знакомства и путешествия по горным массивам штата. Я на всё смотрела, широко раскрыв глаза и думала, что так легко будет всегда. Но после окончания колледжа я всё же решила отдохнуть пару месяцев и, посетив родителей, уехала к подруге в Миннесоту. И именно там я познакомилась с Николаусом. Красавчиком, на которого я смотрела, раскрыв рот. Он был идеальным. Я и себя такой считала. Я была веселой, легкой на подъем и конечно красивой. Я всегда это понимала. И пользовалась знанием своей сексуальности и привлекательности.

Николаус был хорошим другом старшего брата моей подруги Оливии. Пару дней мы обменивались взглядами и улыбками, а потом он начал ухаживать за мной, и я не поняла, как оказалась под его полным контролем. Он вскружил мне голову и показал, как добиваются расположения женщины взрослые и состоятельные мужчины.

И тогда начался ад.

Самая тёмная полоса моей жизни началась с милых улыбок и легких касаний.

Хотя я это адом не считала. Я была так глупа и наивна, что попалась на удочку. Я была влюблена и совершенно слепа. В свои двадцать лет я стала жить с Николаусом. Двадцати-

семилетний красавец с безупречной улыбкой и красивыми речами быстро вскружил мне голову. Мы путешествовали, посещали изысканные рестораны и приёмы в высших слоях общества его города. Я познакомилась с его родителями, и они приняли меня, а после мы поехали знакомиться с моими родными. Всё прошло на высоте. Ник понравился всем без исключения. Я думала, что оказалась в сказке. В идеальном мире. Но идеального не существует, я прочувствовала это на своей шкуре и отныне хочу обычного, но своего мира, где решать и править буду только я.

Спустя месяц папы не стало. Мы провели с моей семьёй три недели. Вернувшись в город, я не заметила, как Николаус отгородил меня от семьи. Я перестала с ними общаться. Наши редкие разговоры по телефону проходили не чаще одного раза в два, а то и в три месяца. Я словно их бросила. Как это вышло? Я не знаю. Весь мой мир стал вращаться вокруг Ника. Следом за родными ушли друзья. Я потеряла связь со всеми.

После отдаления от людей, которые мне были дороги, я решила устроиться на работу. До этого времени меня обеспечивал Ник, и он никогда не попрекал меня этим, а я не противилась. И зря. Я должна была отстаивать свои границы. Я упустила всё. И оказавшись одна в золотой клетке, перестала видеть смысл жизни. У меня его не было. Как и самой жизни.

День ото дня, месяц от месяца всё становилось только ху-

же. В нашей жизни появился тотальный контроль, я не заметила, как начала отчитываться куда и зачем покидаю дорожную клетку. У Ника всегда был пароль от моего телефона и ноутбука, и он часто туда заглядывал. Для чего и зачем? Я не задавала подобных вопросов, ведь после каких-то нелепых упрёков я снова получала идеального мужчину.

Всё скатывалось в пропасть.

Потом Ник сделал мне предложение, и всё стало ещё хуже. Из заботливого и любящего он превратился в грубого незнакомца. Я снова не заметила, как мне было запрещено носить короткие юбки и открытые блузы. А однажды, три месяца назад, он поднял на меня руку. Это было единожды. Я даже не поняла, за что он так со мной поступил.

Я пыталась уйти... Я правда пыталась, но он как-то убедил меня, что во вспышке его агрессии вся вина лежала на мне. И я, дура, поверила. Поверила всем его словам. Но через месяц случилось непоправимое. Я совершила невозможное и ужасное. Такое, что я даже не смогла написать в своём дневнике. Там так и осталась пустая страница. Но несмотря на это, я помню. Помню всё. Каждую деталь, каждую секунду.

Почему я не ушла от Ника раньше? Нет ответа на этот вопрос. Он так оброс вокруг меня, что я перестала быть отдельной личностью, я стала его частью, той, что всегда всё делает не так и выводит его на негативные эмоции.

Мы перестали быть близки морально, а физически – секс

стал просто механическим действием, которое мне было уже омерзительно. Но я не смела отказать.

На протяжении двух месяцев я думала и думала, что нужно это прекратить, но не знала как. И тогда я поняла – я боюсь своего жениха. Боюсь его реакции и того, что за ней последует. Обратиться за помощью, это была моя первая мысль, но я её отбросила как ядовитую змею. Помощи просить не у кого, я всех оттолкнула. Ник может превратить жизнь моих родных в ад, если только узнает, что кто-то из них помог мне. А меня, возможно, вообще убьет за то, что опорочила его имя.

Но даже не осознание того, что я больше не хочу быть с ним, стало решающим фактором. Всё решила совершенно случайная женщина в случайном кафе в случайный день.

Месяц назад я сидела в незнакомой кафешке недалеко от дома и просматривала вакансии в местной газете, которую мне всучил мальчишка у входа. За соседний столик присели две дамы, одна из них довольно повидавшая жизнь. Они начали беседовать, и та, что привлекла моё внимание ещё у входа, рассказала подруге, которая оказалась психологом, о том, что она прожила тридцать пять лет с тираном и человеком, который всю жизнь оскорблял и унижал её. Она не плакала, не истерила и даже не теребила лежавшую на столе скатерть, она рассказывала всё с самого начала, а я сидела и допивала третью кружку кофе, когда поняла, почему я обратила на неё взгляд. Её глаза. Такие же потухшие и разо-

чарованные, как и мои. Но спусковым механизмом сработал вопрос подруги-психолога:

– Как ты от него ушла?

– А я и не смогла. Больше тридцати лет я мечтала об этом, но не решилась. Он умер, жаль, что не сделал этого раньше.

Моё сердце заколотилось так, что я подавилась кофе и, быстро забрав газету со стола, покинула кафе.

Я ходила по улицам и внушала себе, что я должна порвать с Ником, я не хочу прожить свою жизнь как эта женщина. Хочу жить. Просто жить и делать то, что велит мне сердце. Хочу работать и обеспечивать себя сама. Не желаю каждый раз предупреждать, что ухожу из дома и докладывать, куда я иду и на сколько. Я устала. Я не хочу проснуться, подойти к зеркалу и, увидев глубокие морщины, понять, что поздно.

Поздно что-то менять, жизнь подошла к концу, а я так и не пожила.

Тем вечером Ник вернулся с работы, и я не смогла ему сказать о своём решении. У нас случился обычный небольшой диалог, в котором Ник разозлился, что меня долго не было дома. Объяснение про кафе не сработало, и мы поругались. Он кричал, а я молчала. А потом он попросил прощения, но не забыл упомянуть, что это я виновата в его вспышке агрессии. Я простила. Но это был первый раз, когда я осознанно ему солгала. Я не простила. Даже когда у нас был секс, я думала о том, что эта жизнь не для меня. Я не жертва, никогда ею не была, но он сделал меня такой. Он слепил

из меня свою рабу. И я услужливо поддакивала ему целых четыре года.

Я не сказала ему ни слова. И прожила под одной крышей ещё месяц. Я продумывала всё, кроме места назначения. Я собрала вещи и купила новый телефон, обзавелась сим-картой и собрала документы. Я обокрала его. Украла все деньги и сутки назад, через тридцать минут как Ник ушёл на работу, я покинула наш дом на рассвете. Я купила старый пикап и уехала. Я даже не знаю, куда именно еду.

Поймав местную волну на радио, я прибавила звук и слушала о том, что обещается дождь и гроза. Как бы я не вслушивалась в слова диктора, мои мысли возвращаются к Нику. Он будет меня искать. Надеюсь, ему это не удастся, но если найдёт, он вернет меня, и боюсь, я не смогу сказать ему нет. Не от любви – от страха. Как такое возможно, что любовь всей твоей жизни становится её ужасом? И, кажется, я знаю ответ. Я перестала быть собой, перестала уважать и любить себя и отдавала всё это Нику. А кому нужен пустой сосуд? Кто будет за ним ухаживать и оберегать? Пустота никому не нужна, а я стала именно ею.

Если ты сам не позаботишься о себе, этого не сделает никто.

Завернув в очередной крохотный городок, я молилась, чтобы там была хоть какая-то работа и съемное жильё.

Этот город не дал мне ничего. Несмотря на его маленькие размеры, он очень шумный. Я же хочу тишины. Посетив за-

правку и набрав еды в дорогу, я снова отправилась в путь. Радио вещало о том, что в Оклахоме есть райское место, город под названием Дел-сити. Диктор обещал отличную жизнь и спокойствие. Рассказывал, что недавно там открылся новый бар.

Если бар новый, то туда нужны сотрудники.

Съехав на обочину шоссе я достала телефон и забила город в навигаторе. При моей скорости передвижения, мне понадобится меньше десяти часов.

Ночь уже вступила в свои права, а моя правая фара перестала гореть. Я остановилась, и покинула салон машины, но постояв рядом с пикапом, даже не понимала, что тут нужно делать. Поискав информацию в интернете, я поняла, что ничего не поняла. Вернулась за руль и тронулась в путь.

Примерно на расстоянии в десять миль моё сознание начало уплывать в неизвестность. Я хотела спать. Глаза слипались, и я потянулась на пассажирское сиденье, чтобы открыть новый энергетик, который окончательно доконает желудок. И тут одинокая фара осветила животное, что перебежало дорогу. Я резко выкрутила руль влево, но не справившись с управлением, съехала с дороги в кювет.

Мой крик был слышен даже на Аляске, но он померк, когда моя голова ударилась о руль, и в глазах потемнело. Подушек безопасности в этой развалюхе не оказалось.

Глава вторая

"Что такое любовь? Думаю, это баланс и равноправие,

трепет и желание, уважение и почитание. Да, именно так я думаю... сегодня".

Дневник Кайлы

Приоткрыв глаза, тут же их закрываю. Кто-то безжалостно светит мне в них фонариком через лобовое стекло. Поднимаю руку и пытаюсь скрыться от назойливого света. И понимаю – это Ник. Он нашел меня. Нашёл так быстро, а я ведь даже не успела пожить для себя. Не успела почувствовать желанной свободы. Не сделала ни единого глотка. Дыхание становится прерывистым и вырывается из меня со свистом сквозь сомкнутые зубы. Я не могу вернуться. Нет, я не готова. И никогда не буду.

Фонарь перестаёт светить мне в глаза, и я моментально хватаюсь за ручку двери. Но поздно. Ник тянет её, и я, не ведая, что творю, со всей силы толкаю дверь от себя. Она ударяется о преграду, я слышу голос, но страх берёт своё, и я даже не пытаюсь понять, что этот самый голос пытается мне донести. Отстёгиваю ремень безопасности и выскакиваю из машины. И последняя здравая мысль, что приходит мне в голову, о дневнике. Я впервые в жизни оставила его без присмотра.

Бегу в сторону тихого шоссе, отступаю и практически на четвереньках поднимаюсь из канавы, в которую улетела машина. Выбегаю на дорогу, чувствую легкое головокружение. Не понимаю, отчего оно такое, то ли от удара об руль, то ли

от переизбытка кислорода, который я поглощаю nepозво­лительно большими порциями.

– Мэм, – окликает меня голос позади.

Я останавливаюсь. Не оттого, что меня позвали и я поня­ла, что это не Ник, а от вида полицейской машины. Бросаю взгляд назад и вижу, как из тени деревьев, где покоится мой пикап выходит мужчина. Непроизвольно отступаю назад, он приближается, поднимается на дорогу и слишком присталь­но разглядывает меня.

– Я не желаю вам зла, – говорит незнакомец и, указывая рукой назад, продолжает. – Увидел машину в кювете и ре­шил проверить, вдруг кому-то нужна помощь.

– Вы вызвали копов? – спрашиваю я и слышу, как хрипло звучит мой голос.

Мне нельзя в полицию. После "того дня" я не могу обра­титься к блюстителям порядка. С момента пустой страницы в дневнике, я не могу обращаться к ним за помощью. А вот Ник может. Он мог уже забить тревогу и поднять на уши всю полицию штата, да и соседних тоже. Он мог рассказать, что я сделала, и тогда моя жизнь закончена.

Убегая от Ника, я постаралась, как могла, чтобы не остав­лять следов. Я заменила телефон и номер, сняла с карты все деньги и расплачивалась только наличкой, я даже пикап ку­пила незаконно. Я нигде не засветилась, но если меня направят в участок – всё пропало. Ник найдёт меня моментально. У него есть связи и возможности.

– Нет, – говорит незнакомец и окончательно выходит на дорогу.

Я отступаю, видя это, он хмурится и поднимает ладони вверх. Примирительный жест.

– Собственно, я и есть "коп".

Оглядываю высоко брюнета. На нём голубые джинсы, черная футболка без надписей и расстегнутая кожаная куртка. Не похож он на полицейского, больше на бандита.

– Вы не по форме, – замечаю я.

– Я ехал домой. У меня сегодня вроде как выходной.

Какой странный разговор. Мимо нас не проезжают машины, вообще ни одной. На улице так тихо, что я слышу, как под ботинками полицейского скрипят мелкие камни по асфальту. Мужчина не пытается подойти ко мне, а я готова в любой момент побежать. Но вот куда и зачем? Моя сумка с документами, телефоном и дневником, всё осталось в машине. Да и если я начну убегать от полицейского посреди ночи по пустующему шоссе, то есть вероятность быть непонятой. И тогда у полиции окажутся мои документы, и они сами начнут меня искать, а Ник об этом обязательно узнает.

– Как я понял, у вас нет переломов. Но на лбу кровь, могу отвезти вас в больницу, а для машины закажу эвакуатор.

Добро. Ник тоже для всех кажется идеальным воплощением мужчины, но за дружелюбием и милыми улыбками скрывается гниль и разочарование. За добротой обычно прячутся отвратительной личности, уничтожители чужих жизней.

Возможно, я ошибаюсь, и данный представитель человечества вовсе не ужасный, но я пока не ручаюсь за свои суждения и предположения.

Надеюсь, я когда-нибудь избавлюсь от привычки всё и всех сравнивать с Николаусом.

– Я сама вызову эвакуатор, – как можно увереннее говорю я.

Мужчина бросает взгляд в конец шоссе и поджигает губы. Через пару секунд возвращает всё внимание на меня и говорит:

– Боюсь, это невозможно. До ближайшего города почти сотня миль, оттуда эвакуатор будет ехать долго и стоять дорого. Но в моём городе есть старик Брэдли, я позвоню ему, и он приедет через тридцать минут.

Вот дела. У меня нет лишних денег на оплату эвакуатора. Вот чёрт! Ещё же нужно починить колымагу и где-то прожить это время. Видя мою нерешимость, мужчина добавляет:

– Я просто хочу вам помочь. Мне ничего не нужно взамен.

– Почему?

– Что – почему? – спрашивает он и хмурится.

– Почему ничего не просите взамен?

Боже, это прозвучало максимально двусмысленно. Полицейский хмурится ещё сильнее и осматривает меня с ног до головы, я быстро исправляюсь, чтобы не вводить его в глубочайшие сомнения:

– Деньги, например?

Брюнет устало улыбается и проводит рукой по лицу. Снова смотрит на меня и говорит:

– Если хотите заплатить, то я бы не отказался от чашечки кофе. День был отвратительным, и хочется сделать что-то хорошее. И кофе. Хочется побольше кофеина.

Кофе я себе позволить могу. Да и я не могу казаться подозрительной полицейскому. Хотя, уверена, он и без этого уже считает меня идиоткой. Сначала я треснула его дверцей машины, потом убежала на четвереньках, следом двусмысленно предложила расплатиться, что ещё? Что я вытворю через секунду?

– Хорошо, – соглашаюсь я. – Вызывайте свой эвакуатор.

У меня не хватит денег на эвакуатор из большого города, да и добраться до более-менее жилого поселения я на своих двоих не в состоянии. Помощь от полицейского это не самое худшее, что случилось со мной за последнее время.

Мужчина достаёт мобильный, нажимает пару клавиш, прикладывает телефон к уху, а я слушаю его разговор.

"Брэдли, привет. Извини, что так поздно, но тут экстренная ситуация".

"Да, нужен эвакуатор на сто пятое шоссе, двадцать минут езды от твоего дома".

Мужчина смеётся и продолжает.

"Мы с тобой всегда можем договориться. Да. Жду. Пэгги привет".

Полицейский убирает телефон в карман куртки и оборачивается ко мне. Я тут же делаю вид, что не подслушивала его разговор с водителем эвакуатора.

– Нужно дождаться Брэдли и передать ему ключи от машины, а потом я отвезу вас в больницу.

В больницу мне тоже нельзя. И вообще я удивлена, что коп ещё не заставил дышать меня в трубку, чтобы понять не пьяная ли я вела пикап.

– Мне не нужно в больницу. Я в порядке, но буду благодарна, если вы подвезёте меня до ближайшего мотеля.

– Извините, но наш город слишком мал, и мотель в нём отсутствует, но есть Миранда, она сдаёт комнаты посуточно, но я не уверен, что вы бы хотели оказаться в одной из них.

Да я рада оказаться в любом месте с кроватью и подушкой.

– Почему это? – спрашиваю я.

Мужчина как-то странно улыбается, пожимает плечами и объясняет:

– У Миранды парочки ищут место для уединения. Можно так сказать.

– Просто увезите меня в город, я что-нибудь придумаю.

– Хорошо, – соглашается он и, снова бросив взгляд на пикап, спрашивает:

– Так что произошло? Вы уснули за рулём?

– Нет. На дорогу выскочило какое-то животное, и я не справилась с управлением.

– Могу сказать, что животное, кем-бы оно ни было не по-

страдало. А вот вы – да.

Усталость сносит меня с ног, я начинаю зевать, полицейский подхватывает это, и я бросаю на него косой взгляд. Высокий, стройный. Я не могу сказать, что он безупречный красавец, но его глаза компенсируют всё, что только можно. Кристально чистые, голубые глаза. В сочетании с тёмными волосами и чёрными ресницами, это идеальный контраст.

Фу, снова это слово. Нет ничего идеального.

– Я схожу за сумкой, – произношу я и возвращаюсь к пикапу, косо поглядывая на мужчину.

Полицейский не предпринимает попыток схватить меня или даже приблизиться. Если честно, я немного успокаиваюсь. Главное, что это не Ник меня нашёл, со всем остальным я в силах справиться.

Спустившись вниз, подхожу к машине и стон разочарования срывается с моих губ. Я врезалась в дерево. Как безответственно вести машину без отдыха и сна. Ещё и с перегревшей фарой. Хорошо, что я не сбила животное, да и вмятина на бампере не очень внушительная. Надеюсь, мне хватит ворованных денег, иначе я останусь пешеходом, и тогда бежать как можно дальше не получится.

Забираю сумку, проверяю деньги, документы и дневник, вынимаю ключи и напряжённо выглядываю из окна. Коп стоит спиной ко мне, тянусь к бардачку и с тихим щелчком открываю его. Оттуда на меня смотрит чёрный блестящий пистолет. А я ведь даже не умею им пользоваться, но сбегая

от Ника, я и его прихватила с собой. Вот дела. Чтобы не передумать, быстро хватаю пистолет и прячу его на самое дно рюкзака. Снова смотрю на копа и глубоко вдыхаю. Он так и не обернулся. Вытащив из машины себя и рюкзак, закрываю дверцу. Приваливаюсь к ней спиной и пытаюсь не отключиться. Я смертельно хочу спать. Нужен отдых. Небольшая передышка перед дальнейшей дорогой.

Думаю, что дальше я поеду в Мэн, он находится максимально далеко от Ника. Или отправлюсь в Техас, или... не знаю. Подумаю об этом после того, как просплю не меньше восьми часов и приму душ. И отплачу полицейскому чашкой кофе.

– Вам помочь?

Вздрагиваю от мужского голоса. Я практически уснула, стоя возле машины.

– Оу, нет. Я уже иду.

Поднимаюсь из кювета, на этот раз не на четвереньках, и иду в сторону полицейской машины. На капоте которой уже стоит открытая аптечка.

– Если вы не хотите в больницу, то тогда хотя бы давайте я посмотрю...

– Я сама! – резко обрываю я и тут же жалею об этом.

Он не сделал мне ничего плохого, а я веду себя как неблагодарная сука.

– Хорошо, – отвечает он.

– Извините, – тихо пишу я.

– Всё нормально.

Достаю зеркальце из своей сумки, хорошо, что оно наверху, иначе я могла случайно достать пистолет, на который у меня нет ни документов, ни лицензии. Смотрю на себя в отражении и содрогаюсь. Я на мумию похожа больше, чем на живого человека. Ужас. Под глазами мешки, взгляд расфокусирован. Весь мой пучок давно рухнул, я, кстати, потеряла резинку и волосы рассыпались по плечам, а на лбу красуется небольшой порез. Ровный и неглубокий. Просто кожа треснула, тут ничего критичного нет. А вот синяк вокруг этой царапины сложно не заметить.

Отодвигаю от себя зеркало и отрываю кусочек ваты, смачиваю её в антисептике и снова беру за зеркало.

– Ай! – вскрикиваю я и закрываю глаза.

Щиплет.

– Помочь?

– Нет.

Он что – будет мне на ранку дуть?

Обработав антисептиком, я заклеиваю ранку пластырем и с благодарностью отдаю аптечку владельцу. Вот же блин. У меня в машине даже аптечки нет. Не очень-то я подготовилась к побегу столетия. Тем не менее он удался.

На шоссе появляются фары, и в этот момент начинает капать мелкий морозящий дождь. По радио обещали и не обманули.

– Садитесь в машину, – говорит полицейский, и я поче-

му-то подхожу к задней дверце.

Я не хочу сидеть с ним очень близко, но и за решетку, разделяющую копа и преступника, сесть я тоже не желаю, тем более с заднего сиденья просто так не выбраться. В фильмах видела.

– Думаю, вам лучше сесть спереди, – подсказывает мне полицейский. – Вы же не преступник, я только их катаю на заднем сиденье.

Преступница ли я? Определённо да, но молодой коп об этом никогда не узнает. Если я и Ник будем молчать, то никто никогда не узнает о том, что мы совершили. То, что сделала я. О, Боже! Мурашки омерзения пробегают по коже, а к горлу подступает ком.

Эвакуатор подъезжает, и из него выпрыгивает приземистый мужчина с шикарной бородой и усами. На голове натянута ковбойская шляпа, и она-то и спасает его лицо от капель дождя.

– Боже, Дориан, почему леди под дождём мокнет? Моя Пэгги бы уже тебе все уши за такое ободрала.

Мужчина проскальзывает мимо полицейского, которого, как оказалось, зовут Дориан, протягивает мне руку и улыбается.

– Меня зовут Брэдли, и я доставлю вашу ласточку к себе в салон, а уже завтра посмотрю, что да как. Договорились?

Смотрю на протянутую руку и не решаюсь её пожать, но напоминаю себе о том, что я должна вести себя, как все. Быть

обычной девушкой в беде, а не параноидальной идиоткой.

Всё же протягиваю руку и пожимаю ладонь Брэдли.

– Я – Кайла, буду рада, если вы мне поможете.

– Где ласточка? – бодро спрашивает он.

Я морщусь и признаюсь.

– В кювете.

Брэдли забывает про меня, он молнией уносится к "ласточке". Взмахивает руками, хватается за голову, воркует над ней и причитает. Я не слышу, что именно он говорит, но по его жестам понятно – он раздосадован. Как минимум.

– Кайла? – окликает меня Дориан.

– Да?

– Идите в машину, вы уже дрожите.

И в правду. Сгребаю сумку с капота и иду на пассажирское место. Забираюсь в теплый и сухой салон, закрываю дверь и наблюдаю, как Дориан и Брэдли беседуют, стоя под прожекторами фар и мелкими каплями дождя. Монотонные удары слабого буйства природы тарабанят по крыше, быстро убаюкивают меня, и я проваливаюсь в полусон. Слышу, как полицейский Дориан забирается в машину, закрывает дверь и трогается с места. Какое-то время мой организм ещё борется с приятным и желанным сном, но я терплю сокрушительное поражение и вырубаюсь окончательно.

Глава третья

"Доверие нужно заслужить, не стоит распляться и дарить его налево и направо".

В этот раз меня будит не свет фонаря, а легкое пожатие пальцев на моём плече. Открываю глаза и сразу вспоминаю, что случилось до момента, пока я не отрубилась в машине с совершенно незнакомым мне человеком.

Как я могла уснуть в машине с незнакомцем?! Будь он ма-
ньяком, моё брэнное тело уже бы соседствовало с пикапом в канаве. Головой я это понимаю, но тело устало и больше не может быть настороже.

– Не хотел будить вас, но, к сожалению, у Миранды сегодня все комнаты заняты.

Выглядываю в окно. Мы стоим, припарковавшись на подъездной дорожке у маленького светлого дома, в котором не горит ни одна лампа. Там темно, так же, как и на приграничной территории. И вообще этот дом крайний на улице. Дальше ровная дорога, уходящая вниз.

– Где мы? – настороженно спрашиваю я.

Поворачиваюсь к полицейскому и наблюдаю, как он устало проводит ладонью по лицу. Он кладёт руку на руль и, смотря мне в глаза, говорит:

– Если честно, я вообще не знаю, что мне с вами делать. Вы отказались ехать в больницу, да и вообще вели себя, мягко говоря, странно. Я бы должен увезти вас в участок, чтобы вы сдали все анализы, и я убедился, что вы можете продолжать водить машину. Но я этого не сделаю, так как на данный

момент времени с меня сняли полномочия, и я не в праве кого-либо куда-либо насильно везти.

Его что – разжаловали? Так вот она причина, по которой он не настаивал на моём путешествии до полицейского участка. Скорее всего Дориан прокололся, и сейчас он на испытательном сроке и ему не нужны проблемы в виде меня. Ведь он не знает, кто я и откуда. Он не может даже предположить моего поведения в участке. Я ведь могу начать сочинять небылицы и вообще сказать, что он на меня напал или домогался.

Отводя взгляд в сторону, осторожно уточняю:

– Мы не едем в участок?

– Нет.

Это отличная новость. Но есть и скверная. У пресловутой Миранды нет для меня места. Я даже в машине не могу заночевать, так как не знаю, где она находится. Да я даже не знаю, где нахожусь сама.

– Есть кто-то похожий на Миранду? Место, где я могу переночевать и дожждаться утра? Мне неуютно, я и так уже отняла у вас слишком много времени, но я тут никого не знаю и...

– Вы можете остаться у меня...

Чего? Я ослышалась? Ну уж нет.

– Нет, извините... – начинаю я, но Дориан аккуратно перебивает меня.

– Вы не так меня поняли, – Дориан указывает на дом,

освещенный фарами от машины. – Это мой второй дом, он ещё не достроен, но в нём вполне можно переждать пару дней, я живу по соседству.

– Ау.

– Да, если что-то понадобится, можете позвать, а пока я бы распрощался с вами, моя семья ждёт новостей.

Я даже не думала, что у полицейского есть семья и его кто-то ждёт, я думала только о себе и своих нуждах.

Деваться мне всё равно некуда. Ещё сильнее прижимаю к себе сумку и, смотря прямо в глаза собеседнику, произношу:

– Я вам очень благодарна.

Дориан внимательно смотрит мне в глаза и напоминает.

– С вас кофе.

– Я помню.

– Завтра.

– Договорились.

Плечи полицейского немного расслабляются, и он отводит взгляд от меня и устремляет его на маленький дом.

– Надеюсь, что вы не мошенница, но на всякий случай скажу, в пикапе довольно много ваших отпечатков пальцев, и, если вы решите меня ограбить, я вас быстро найду.

Вроде и сказано в шутку, но я непроизвольно напрягаюсь. Не нужно меня искать.

Чтобы сгладить тишину, возникшую в машине, я спрашиваю:

– И много у вас там ценных вещей?

– Ни одной.

Улыбаюсь и ловлю ответную улыбку от Дориана.

Покидаю тёплый салон и выхожу на улицу. Смотрю на дом, а его владелец тем временем обходит машину и встаёт рядом со мной.

– Идёмте.

Дориан идёт первым, я семеню следом и замечаю, как в домах через дорогу загорается свет, и шевелятся занавески. Хмурюсь и ещё быстрее иду по придорожной тропинке.

– Город вроде как не спит, – говорю я, поднимаясь по ступенькам.

– Скайвилль достаточно маленький и дружелюбный, но, поверьте, уже завтра все будут знать, что вы поселились в моём доме.

– Не поселилась, а осталась на одну ночь, – с важностью в голосе напоминаю я.

Дориан открывает дверь и, обернувшись, смотрит на меня с легкой улыбкой.

Вот чёрт! И это прозвучало двусмысленно. Мысленно даю себе пару подзатыльников.

– Вы поняли, о чём я, – говорю я и отвожу взгляд в сторону.

– Вы, видимо, не жили в маленьких городках, тут неважно, как выглядит правда, тут важно, что показалось остальным.

– Ясно.

Проходим в дом, и Дориан включает свет. Оглядываю простую среднего размера гостиную, которая плавно перетекает в кухню. В гостиной большой серый диван, напротив него висит телевизор, под ним тумбочка под цвет дивана. Этот самый диван и является разделением кухни от гостиной. Кухня обставлена по последнему слову техники, но больше всего мне нравятся тона – коричневые и белые. Они пересекаются и сливаются, снова расходятся и изображают из себя идеальное сочетание. Из противоположной стены, прямо напротив огромного окна выступает стол, хотя это вообще не стол, больше напоминает бар в ресторане, над столом висят перевернутые фужеры, бокалы и прочая атрибутика.

Очень мило и уютно.

Из кухни-гостиной идёт всего одна дверь, если не считать входную. Заметив мой взгляд, Дориан объясняет:

– Дальше комната с выходом во внутренний двор и ванная. Располагайтесь, а завтра решим вопрос с вашей машиной.

– И кофе, – добавляю я.

– И кофе, – Дориан проводит рукой по лицу, снова стонет навязчивый сон.

Не знаю, что за день у него выдался, но он явно был не из легких, ещё я тут со своими проблемами.

– Я буду в соседнем доме, если не хотите, чтобы местные глазели на вас из окон своих домов, можете пройти по внутреннему двору, они соединены тропинкой.

– Спасибо, – искренне благодарю я и больше не чувствую себя максимально напряженной рядом с блюстителем порядка.

– Не за что. Оставлю вас, располагайтесь.

Киваю, и Дориан уходит. Как только дверь закрывается, пряча от меня его широкую спину, я протяжно выдыхаю и быстрым шагом иду к двери, запираюсь и приваливаюсь к ней спиной.

Ещё раз осматриваю помещение и, отлепив спину от гладкой поверхности, прохожу в дверь, которая ведёт в маленький коридор, направляюсь дальше и оказываюсь в просторной комнате, тут только двуспальная кровать и тумбочка, всё покрыто белой тканью. Видимо, чтоб малочисленная мебель не запылилась от неокрашенных стен. Из комнаты идёт ещё две двери, открываю первую – ванная. О, Боже, как я хочу принять ванну или хотя бы постоять под тёплыми струйками душа. Скинуть с себя грязную одежду и... Вот чёрт! Все вещи остались в машине. Брэдли скорее всего уже отвёз пикап на стоянку и отправился спать. Вот я растяпа.

Закрываю ванную и иду к последней двери, она заперта изнутри. Открываю её и передо мной открывается идеальный вид. Ровный газон, в отдалении беседка с плетеными стульчиками и округлым столом. Рядом с беседкой стоит барбекю. К этому месту с самого порога ведет каменная тропинка, но также эта самая тропинка выкруливает в сторону и упирается в другой дом. Там, где сейчас горит свет.

Дориан ведь сказал, что если что-то понадобится, то я могу обратиться. Не прошло и часа, как мне уже нужна его помощь. Вот тебе сильная и независимая беглянка.

Немного мнусь и всё же спускаюсь с трёх идеально ровных ступенек. Прохожу во внутренний дворик. Он кругом зарос деревьями, и скорее всего любопытные соседи не увидят, как незнакомка посреди ночи крадётся к местному копу. Тут скорее я маньяк, нежели он.

Оказавшись возле двери, уже хочу дать деру, но практичность берет верх. Да, я знаю, что и так слишком многим мне помог хозяин дома, но мне нужно хотя бы полотенце, не говоря уже о постельном белье и остальных принадлежностях. В конце концов я на четвереньках ползала по траве и мне нужно хоть что-то... из моей сумки, которая неизвестно где. Ну беда.

Стучу в дверь и отступаю назад.

Никто не открывает. Наверное, Дориан уже спит. Разворачиваюсь и спускаюсь со ступенек, как дверь открывается. Оборачиваюсь, и моя челюсть падает вниз, пробивает поверхность планеты и оказывается где-то в районе земного ядра. Быстро отворачиваюсь, но я уже успела увидеть всё. Дориан после душа. На нём нет ничего, кроме полотенца, обмотанного вокруг бёдер. Мои щёки начинают гореть, а мозг прорисовывает детали рельефного тела. Ужас какой.

– Вам что-то нужно? – спрашивает он.

Да, я же зачем-то пришла. Что мне было нужно? Ах, да.

Вспомнила.

– Мне бы полотенце, – говорю я и смотрю на самое далёкое дерево так, словно деревьев отродясь не видела.

– Полотенце? Это? – спрашивает он, и я оборачиваюсь.

Ну нет. Дориан улыбается во весь рот, и я понимаю, что его уточнением было полотенце, которое скрывает то небольшое, что я ещё не видела.

– Нет! – взвизгиваю я и снова отвожу взгляд. – Я не просила именно это... в которое вы... мне нужно не оно и...

– Кайла, успокойтесь, я пошутил, сейчас всё принесу.

Он скрывается за дверью, а я, придя в себя, прыскаю от смеха.

Кайла, ты ходячая проблема.

Немногим позже в дверях появляется Дориан, и он, слава богу, надел штаны и футболку. Вручает мне спортивную сумку и говорит:

– Там всё, что может вам сегодня понадобится.

Банальная фраза, но в его глазах я вижу те же искорки смеха, что и несколько минут назад. Поблагодарив его, забираю сумку и возвращаюсь в дом, который он мне представил.

Запираюсь. Перепроверяю все двери и окна. Распаковываю сумку и нахожу там всё, что мне нужно, даже мужскую футболку в целлофановой упаковке. Новую. Постельное бельё, мыло и шампунь. Всё мужское.

Но ведь Дориан сказал, что его ждёт семья. Кто входит в

его семью? Жена, дети, родители?

Ладно, это не моего ума дело.

Забираюсь под душ и, помывшись, застилаю кровать. Падаю на неё, прячу под подушку пистолет Ника. Открываю дневник и записываю свой день. И впервые за долгое время я там не упоминаю имя Ника, но зато частенько фигурирует имя моего спасителя. Дориан.

Откладываю дневник и, закрыв глаза, вспоминаю нелепую сцену с полотенцем. Улыбка сама вырисовывается на губах, и я погружаюсь в сон.

Мне снится "тот день". Я снова проживаю весь кошмар, который не в силах забыть. Он преследует меня наперегонки с Ником, и я не знаю, что из этого страшнее.

Глава четвертая

"Маленький город – это сплетни. Обо всём и обо всех".

Дневник Кайлы

"Буц-буц-буц".

Именно этот звук вырывает меня из объятий Морфея. Моментально испытываю дичайший страх, шарю рукой под подушкой, достаю пистолет. Смотрю на него и понимаю, что пришло время загуглить и посмотреть, как им вообще пользоваться. Обойма пустая – это единственное, что я знаю. В противном случае мои мозги бы уже растеклись по новой наволочке мистера полицейского.

"Буц-буц-буц!"

Удары о входную дверь становятся громче. Сжимаю рукоять пистолета и, будучи одетой в одну лишь длинную футболку, позаимствованную у Дориана, медленно вхожу в гостиную и продвигаюсь к двери. Ладони потеют, а дыхание замирает. Справа от входа расположено небольшое окно, и я вижу, что за преградой стоит не один человек. Их как минимум трое. Тени мелькают и перемещаются, а удары о дверь повторяются всё с большей силой. Прячу пистолет за спину и как можно тише подхожу к окну. Неужели это полиция? Воображение рисует трёх огромных копов, которые с минуты на минуту выломают с ноги дверь и утащат меня в полицейский участок, а там допросы с пытками и, естественно, решетка.

Медленно отодвигаю занавеску, и тут же с той стороны появляется лицо. Отскакиваю назад и хватаюсь рукой за место, где должно быть сердце, но его там нет, оно стремительно несётся к пяткам. С той стороны дома на меня смотрит улыбающаяся женщина с копной светлых кудрей, собранных в элегантную причёску какого-то там века. Ей явно не хватает шляпки с пером наперевес. Дама широко улыбается мне и поднимает вверх какую-то тарелку, накрытую салфеткой.

– Добрый дееень! – вскрикивает она и раздвигает губы ещё шире.

– Добрый, – шепчу я, но она явно меня не слышит.

Рядом с женщиной возникает ещё одна. Если первая – престарелая блондинка с голубыми глазами, что прячутся за

толстыми очками, то вторая – высокая брюнетка, с изогнутым носом и цепким взглядом, она очень похожа на ястреба. Брюнетка настолько высокая, что голова блондинки практически утыкается ей в невидимую грудь.

Вот так мы стоим и смотрим друг на друга через стекло. Я стараюсь казаться нормальной, и прячу за спиной пистолет.

Вовсе не нормальное поведение. Совсем нет.

– Мы в гости, – поясняет блондинка, – открывай.

Что? Я гостей, мягко говоря, не ждала.

– Я не одета, – оправдываюсь я, мило улыбаясь.

Блондинка смеётся и, не отрывая от меня лучистого взгляда, добавляет:

– Тут все свои. Стыдиться нечего.

Кто-то снова стучит в дверь, я вздрагиваю, и чтобы прекратить эту тарабарщину отодвигаю щеколду. Намереваюсь выглянуть за дверь и как можно аккуратнее проводить незнакомых гостей. Если понадобится, то скажу им, что я смертельно больна, и эта зараза переносится воздушно-капельным путём. Чихну для правдоподобности.

Но моим планам не суждено сбыться.

В дом полицейского вваливаются две дамы, которых я уже видела в окне, и молодая девушка. Ей не больше тридцати лет, её волнистые каштановые волосы собраны в высокий хвост, стройные загорелые ноги в коротких шортах и поношенных кедах. Грудь внушительного размера прикрывает топ, который ей явно мал.

Кто эти люди? И что они тут делают?

Отступаю от двери, которую молодая особа предусмотрительно запирает за собой.

– Ой ты и вправду не одета, – говорит самая молодая, – протягивает мне руку и представляется. – Я – Шайла.

А вот я не могу протянуть ей руку, она занята пистолетом. Вот блин!

– Что там у тебя? – спрашивает высокая брюнетка.

Оружие массового поражения, блин!

– Располагайтесь, – улыбаясь, как сумасшедшая, говорю я и пячусь к коридорчику. – Я переоденусь и скоро вернусь. Пару мину. Одна нога здесь другая там.

Боже, Кайла, замолчи и вали отсюда!

Три пары внимательных глаз разглядывают меня с нескрываемым интересом. Кажется, что они даже умудрились посчитать сколько на мне родинок.

Боже, что за наглость вот так пялиться на незнакомого, практически голого человека? К тому же этот человек держит за спиной пистолет. Опасное оружие между прочим. Моя напряженная улыбка не сходит с лица, пока я не оказываюсь в комнате. Закрываю дверь и приваливаюсь к ней спиной. Какого хрена?! Кто эти женщины? И почему они вообще ко мне пришли?

Прячу пистолет в рюкзак. Натягиваю джинсы и тонкую водолазку. Собираю волосы во "что попало" пучок и выхожу из комнаты. Слышу, как гости беззастенчиво обсуждают мою

незначительную персону.

– Она в его футболке что ли была? – спрашивает низкая блондинка.

Ей отвечает шёпотом самая молодая:

– По-моему, на ней даже трусиков не было. А что она прятала за спиной? Видимо, думала, что это Дориан пришёл, а тут мы.

В разговор вступает высокая:

– А я вам говорила, что он её ночью привёз, а она к нему бегала потом.

– Куда бегала? – спрашивает Шайла.

– В тот дом? – уточняет блондинка.

– Зачем? – вторит ей самая молодая.

Высокая брюнетка фыркает как конь и шипит на подруг:

– А ты как думаешь? Сексом, наверное, заниматься, я-то что? Меня не приглашали, я своими глазами сам процесс не видела.

Ну всё, хватит! Пора разгонять этот курятник.

Выхожу из коридора и уже уверенно встречаю три пары заинтересованных глаз. Удивительно, но без оружия за спиной я чувствую себя более уверенно.

– Никакого секса не было, – твёрдо говорю я. – Полицейский Дориан помог мне, ничего более.

Женщины переглядываются между собой и молчат. Замечаю, что брюнетка и Шайла сели за стол, но вот как на высокий барный стул забралась старушка? Подпрыгнула, или

это её подруги подсадили? Брюнетка криво улыбается мне, но все продолжают молча лупать глазами. Видимо, у них не принято говорить такие вещи в лицо, только за спиной. Но так я думаю до момента, пока они все одновременно не начинают говорить. Плотину прорывает, и меня затапливает уймой вопросов и догадок.

– А как помог? – спрашивает Шайла.

– Что же случилось? – восклицает блондинка.

– Как тебя зовут? Ты к нам надолго? – задаёт сразу пару вопросов брюнетка.

– Я принесла пирог, а тут что – чайника нет?

– Сегодня в газете написали...

У меня сейчас лопнет голова. Но их щебетание напоминает мне о маме, когда она собиралась с подругами, это выглядело примерно так же. Много шума и мало логики. Папа всегда находил важные дела за пределами уютных стен, стоило собеседницам оказаться на пороге нашего семейного дома. Папа всегда говорил: "Мне тут не место, в столь важных вопросах я полный профан". Вот и мне тут не место.

– Я – Кайла, – представляюсь и подхожу к женщинам ближе. – Вчера я попала в небольшую аварию, а мистер Дориан мне помог. У Миранды не оказалось мест...

Они не дают мне договорить. Низкая женщина, которую, оказывается, зовут миссис Дутти Прэстон, фыркает и морщит нос при упоминании имени Миранда. Её черноволосая подруга облокачивается о стол и, закатив глаза, заявляет, что

у Миранды притон, в котором все только и делают, что сношаются. На это заявление миссис Прэстон хихикает, а Шайла поддакивает. Мои "гости" продолжают щебетать, практически не замечая меня. Этому оркестру дирижёр не нужен. В итоге миссис Прэстон всё же обращает на меня внимание и спрашивает:

– А куда ты направлялась? До того как попала в аварию. А пластырь на лбу от этого? Ударилась? Бедняжка.

– В Техас, – с ходу лгу я. – Там у меня тетушка.

Тетушка? Боже, Кайла, тебе стоит прекратить читать любовные романы. Тетушка. В нашем столетии так никто никого не называет.

– А что с ней? Она больна? – уточняет миссис Прэстон.

– Нет, я просто ехала навестить её.

– Ты хороший человек, вот у меня есть племянники, которых я ни разу не видела...

И тут продолжается разговор, который вихрем переходит от одной темы к другой. Они так быстро и слаженно ведут диалог, что мне ничего не остаётся, как только наблюдать за ними. В момент секундной тишины я успеваю вбросить вопрос:

– А вы не подскажете, где я могу купить кофе?

Миссис Прэстон выпучивает глаза, и это выглядит достаточно комично, ведь линзы и без этого делают их непропорционально большими.

– Купить? Можно ведь самой сварить. Или ты не умеешь?

Шайла приходит мне на помощь:

– Вверх по улице, второй поворот направо.

– Но он там паршивый, – добавляет миссис Прэстон.

– О, Боже, миссис Прэстон, вы что – выражаетесь? – вбрасывает брюнетка, которую зовут Олли.

Она не представилась, это я просто услышала.

– Только когда мистер Эйб не видит, – улыбаясь сообщает старушка.

– Где бы мне найти такого мистера, – говорит Олли.

Их беседа продолжается ещё около часа. А потом миссис Прэстон вспоминает, что ей нужно закупить продуктов для ярмарки. Она спрыгивает с барного стула и, подгоняя подружку к выходу, спрашивает у меня:

– Надеюсь, ты пойдёшь на нашу ярмарку. Приготовь пирог, мужчины любят пироги.

Ярмарка, пирог, мужчины. Ничего не понимаю, но и переспрашивать не буду.

– Боюсь, что завтра меня тут уже не будет.

– Может, удержишься? – спрашивает Олли. – Это очень весело. Ежегодная ярмарка – это одно из самых значимых событий в Скайвилль.

– Извините, но...

– Мы зайдём за тобой в пять, – говорит миссис Прэстон, и дверь закрывается.

Это тройное торнадо просто выбило меня из колеи. Запираю дверь, отодвигаю занавеску и, как все местные, погля-

дываю за горожанами. Жуть.

Бросаю слежку и прохожу вглубь гостиной. Падаю на диван и, смотря в потолок, планирую свой день. Кофе варить я не буду, а следовательно, пойду умоюсь, приведу себя в более-менее сносный вид и пойду за кофе. Потом отправлюсь к дому Дориана и узнаю, как там поживает мой пикап, а дальше заберу машину и двину в путь, который обещает быть долгим.

Умываюсь, меняю повязку, радуюсь тому, что синяк не разошелся дальше, он стал желтоватым и, в принципе, тональная основа может его легко спрятать. Замазываю боевые ранения, подкрашиваю тушью глаза, хватаю сумку и иду на поиски кофе.

На улице достаточнолюдно, прохожие откровенно пялятся на меня, а я стараюсь делать дружелюбное лицо, кто-то даже здоровается со мной, я отвечаю тем же. Но стоит людям оказаться у меня за спиной, как я слышу обрывки фраз о том, что я новая пассия Дориана, которая бегала к нему прошлой ночью. Ещё я узнаю о себе более новое, что моя тётушка из Техаса больна, и я еду её навестить и отпустить в последний путь.

Боже, не прошло и часа, как выдуманную тетушку, совсем недавно рожденную в моей голове, похоронили. Очень дружелюбный город.

В какой-то момент я перестаю слушать прохожих и упорно продолжаю искать кофейню. Проходя мимо одинаковых

домов, я понимаю, что в маленьком городке, возможно, куда больше шума, чем в мегаполисе.

Нахожу кофейню и, оказавшись внутри, заказываю два капучино. Не знаю, какой кофе предпочитает полицейский, я пью только такой. На всякий случай беру два сахара. Забираю заказ у бариста, это молодой парнишка, ему примерно девятнадцать, рыжие кудрявые волосы и десятки канапушек делают из него идеального натурщика для художника.

Направляюсь к дому Дориана и ловлю себя на мысли, что этот город словно стёр мой страх перед Ником. В некоторые моменты я вообще забываю, отчего я тут оказалась. С одной стороны – это хорошо, ведь я хочу начать жить с чистого листа. Но с другой стороны – плохо. Я теряю бдительность и осторожность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.